

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

НАМ ВЫДАНА ЮНОСТЬ

*Либретто для романтического мюзикла
из жизни строителей Байкало-Амурской магистрали*

* * *

Сцена затемнена. На фоне задника видны слабые силуэты сосен, образующие зубчатую стену тайги. Свищет вьюга. Сквозь неё постепенно прорастают позывные «последних известий» и в паузах между порывами ветра слышен пробивающийся сквозь непогоду знакомый голос диктора:

«...Как сообщают наши корреспонденты, вчера, шестнадцатого февраля, на строителей Байкало-Амурской магистрали обрушилась небывалой силы метель при сорокапятиградусном морозе... Работы на большинстве участков трассы временно остановлены... Метель продолжается и сегодня...»

Голос тает в усиливающихся завываниях ветра, сцена медленно светлеет, вырисовывается просека в её центре – на самой сцене – недоуложенные рельсы. В левой части видна группа деревьев (среди которых могут находиться музыканты), в правой – открытые зрителям – два вагончика, на одном из которых видна надпись: «Прорабская».

На фоне ни на минуту не затухающего свиста и воя пурги слышна слабая, зарождающаяся мелодия, которая постепенно крепнет, растёт, усиливается и скоро переходит в песню Хора, исполняемую стоящими среди группы деревьев музыкантами:

Ни света, ни солнца, лишь ветер
замкнул всё в бушующий круг.
Неужто на целой планете

нет места без ветра и вьюг?

Неужто – повсюду метели
и нечем их остановить?..

В это время от необычайно сильного порыва ветра с ужасным треском падает одно из стоящих на сцене деревьев.

...Как страшно, приблизившись к цели,
на шаге последнем застыть!..

Ну что ж!
Пусть и этот экзамен
прибавит морщинку к судьбе!
Дорогу к встающему «завтра» –
пробьём мы сквозь ночь и сквозь снег!

И пусть вьюги с воем кружатся –
не нас им пугать, молодых!
Растает снег и – обнажатся
во времени
наши
следы...

С резким порывом ветра на сцену врывается Пурга – не менее трёх девушек с большими, типа зонтиков на палках, снежинками в руках. Снежинки с визгами проносятся по сцене, сопровождая свой танец быстрой, до скороговорки, песенкой:

Здесь доли и дали –
всё царство снегов!
Сюда мы не звали

к себе никого!
Приехали сами,
под песенный звон,
хотели кострами
нас выкурить вон...

Одна из Снежинок, маленькая и задиристая:

Посмотрим, теперь как
они запоют!..

Другая – высокая и худая – театрально кривляясь и заламывая, как паяц, длинные тонкие руки:

«До отправления поезда
осталось пять минут!..»

Залившись злорадным смехом, делают один или два круга по сцене в свирепом, неистовом танце.

Снова все вместе:

Наделали просек
среди наших трясин,
теперь мы их спросим...

Задиристая:

А кто вас просил?

Все вместе:

Накинемся роем,
закроем пути,
засыплем, зароем,
вам здесь – не пройти!

Длинная, снова кривляясь:

«Веселей, ребята! Выпало вам –
строить путь железный...»

Все, злобно:

Да не по зубам!

Хохоча и визжа, стремительно кружатся по сцене, затем снова собираются вместе
для продолжения песни:

Спешим же, сестрицы,
кружась веселей,
в сугробы сплотиться
на нашей земле!
Ложимся под стены,
под окна, под дверь,
засыплем, застелем –
отойтесь теперь!

Задиристая:

И пусть вам приснится
среди вечного сна...

Длинная, снова кривляясь и паясничая:

«Любовь, комсомол и весна!..»

И снова с визгом и смехом проносятся по сцене, захлопывая по пути отворившуюся было дверь «Прорабской» – так что, собиравшийся было выйти из неё парень отпрянул внутрь вагончика и, махнув рукой, бросил на стол шапку и взялся за рацию.

Снежинки на время упорхнули со сцены, ветер затих.

«Прорабская» освещается.

Парень у рации:

Сквозь миллионы чьих-то голосов
и радиоактивный дождь кометный,
сквозь вой реклам и песни над планетой,
сквозь шум помех и визги тормозов –
ответьте мне,
ответьте мне,
ответьте –
ведь мы за всех, зовущих нас, в ответе!..

Неужто в целом свете –
лишь мой не слышен зов?..

Сквозь вьюгу и сквозь ветер,
сквозь белый плач лесов,
хоть дискантом, хоть рокотом басов –
ответьте мне,
ответьте мне,
ответьте...

Ответьте мне,
ответьте мне,
ответьте...

Ответьте мне,
ответьте мне,
ответьте мне,
ответьте...

Не слыша ответа, сдёргивает с головы и бросает на стол наушники. В голосе слышны дрожь и отчаяние:

Ну вот – теперь и связи нет!
Я словно знал, что так случится!
Словно на нас вдруг ополчился
сегодня целый белый свет!
Что делать?
Где найти ответ?
Никто не даст совет...

Смотрит за окно вагончика, где в эту минуту снова проносятся появившиеся на сцене Снежинки, при этом маленькая задиристая, пробегая мимо его вагончика, грозит ему в окно кулачком. Под вой ветра и визг метели поют всё ту же свою песню, только ещё злее и ожесточённее:

Настырное племя
проучим вперёд!
Дорогу сквозь темень –
не каждый найдёт!

В сторону «Прорабской»:

Куда теперь деться?
Закрыты пути!..

Задиристая, с издевкой:

Теплее оденься!..

Долговязая, как всегда, ломаясь и принимая театральные позы:

«Надейся и жди!»

Заливаясь своим торжествующим, повизгивающим смехом, Снежинки убегают.
Прораб отходит от окна. Грустно, с острой печалью в голосе:

Дорога скрыта, как мечта!
А сердце жжёт одно и то же –
что ждёт в конце дороги та,
что всех милее и дороже!

И с нею разделяют нас –
каких-нибудь три километра.
Но отдаляет встречи час
не утихающий вой ветра!

Встряхиваясь, словно ото сна и оживляясь:

Сугробы разберу руками я,
за гриву ветер ухвачу –
о, Ветер, брат, ведь ты – не каменный,
пойми, к любимой я хочу-у!

Я к ней бы шёл, пока держали ноги,
и знал бы, что – дойду, не упаду.

Но ей в подарок я обещал – Дорогу...

Как – без подарка я пойду?

И, снова упав духом, садится к столу и опускает голову на подставленную ладонь.

И так на сердце нелегко,
и так тревожно воет ветер...
Как близко и – как далеко
та, что милее всех на свете!..

Освещение в «Прорабской» меркнет. Снова слышен вой ветра и за ним –
постепенно нарастая – песня Хора:

Много в мире дорог – сразу не перечесть
новых трасс и разбитых трактов.
Есть дороги – чисты, как честь.
Есть дороги – прямые, как правда.

И в основы дорог, и в основы эпох,
как булыжники, души уложены.
Коль вложить свою душу в дорогу ты смог,
то дорога твоя – надёжна!

Если ж тучи над сердцем пройдут – не беда! –
всё само разъяснится к сроку.
Верь в людей, верь в себя, и всегда, и всегда –
верь в любовь, как в свою дорогу!..

К концу песни Хора постепенно освещается ближний к зрителям вагончик, в котором, пережидая метель, находится бригада бамовцев (они в куртках, типа стройотрядовских – с надписью на груди «БАМ»).

Один из них, глядя в окно, вяло:

А – если эта самая пурга
провоеет не менее месяца?..

Другой, показывая колоду карт и играя ею, как фокусник:

Давайте сыграем сейчас в «дурака»,
пока она – перебесится?

Оглядывая остальных своих товарищей, он начинает тасовать карты. Но тут на
середину вагончика выскакивает девушка:

Ну как не стыдно?
Как не обидно?
Мы все в себе
ошибались, видно!
Неужто, это –
всё те же мы,
что осчастливить
хотели мир?..

Тоже оглядывает присутствующих. С гневом и укором продолжает:

Ну и что ж – что воеет вьюга?
Разве это – в первый раз?
Мы же верим все друг в друга,
а эпоха – верит в нас!

И отступать мы теперь – не вправе!
Мы сами путь свой себе избрали,

когда всегласно клялись России,
что эту трассу, шутя, осилим!

Так что ж – от ветра нам прятать нос?..

Кто-то из-за спин товарищей, очень нудным и тягучим голосом, то ли возмущаясь, то ли оправдывая своё бездействие:

Ну-у ку-уда – на такой моро-о-оз?..

Девушка, подходя к одному из парней и заглядывая ему в глаза:

А ты, мой любимый, ведь ты говорил мне,
когда мои губы губами ловил,
что наша дорога – останется гимном
делам Комсомола и нашей любви?
Останется – вижу! – тяжёлым надгробьем,
коль первая трудность, и мы все – назад.
Ну что ж мы, ребята? Давайте попробуем?
Ведь нашу дорогу так ждут за сугробами,
и смотрят на нас всей России глаза?..

Вместо ответа любимого, вскакивает один из сидевших на скамейке парней:

Ну да сколько же это будет?
Я пока ещё ум не пропил!
Всюду люди живут, как люди,
я ж за них должен лезть в сугробы.

Поворачиваясь к девушке:

Дудки!

Вы мне – осточертели!

Ваши лозунги – горше редьки!

Лезьте сами в свои метели,
а меня ждут в столице предки!

Всё! Уеду! Решён вопрос!

Обладатель нудного голоса, неизвестно, к кому:

Ну-у ку-уда – на такой моро-оз?..

Девушка, обращаясь всё-таки к своему любимому:

А ты, мой любимый? Что скажешь мне – ты?..

Он, резковато:

Что наши мечты – это только мечты!

А жизнь наяву и сложнее, и суровой.

И нам ни к чему лезть сегодня в сугробы.

Пусть завтрашний день урезонит метель

и тучи разгонит дремать по берлогам,

чтоб видимой стала закрытая цель

и видимой стала к победе дорога!

И не упрекнёт нас никто, ты пойми,

за то, что «сегодня» – мы отдали ветру.

Ну что – один день? Один день – это миг,

а наша дорога служить будет вечно!

Так брось же, родная, гляди веселей!
Давайте смеяться, пока – молодые!
Ведь жизнь на суровой сибирской земле
не так уж и часто нам шлёт выходные...

С этими словами он пытается обнять девушку, но она уклоняется и, опустив голову, отходит. Грустно:

Нет-нет, мне поверить тебе тяжело,
ведь совесть – не вещь, чтоб отбросить на время,
и наша невинная, вроде бы, ложь
останется в нас, словно трещинка в рельсе...

Один из парней-строителей, обращаясь ко всем остальным в вагончике:

А что если нам, братцы,
и вправду поразмяться?
Мне кажется – ветер затих?..

Кивает за окно, но в эту минуту ветер взывает ещё сильнее, чем прежде, так что он даже невольно поёжился, услышав этот вой.

Тот, что хотел уезжать:

О, как вы привыкли трепаться!
С ума можно с вами сойти!..

Он уходит в дальний угол вагончика, остальные неловко замирают.

Снова слышен свист ветра и снова, пробиваясь сквозь него, звучит и крепнет мелодия,
а потом начинается песня Хора:

Под метельные напевы,
незаметно для властей,
миром правят королевы
всех расцветок и мастей.

И в сердец дворцовых замках
Каждый день – переворот.
Мы подчас не знаем сами,
кто сегодня верх возьмёт?..

То заглушая ветер, то исчезая за его порывами, звучит музыкальный проигрыш ансамбля. Хор продолжает:

Так живём мы, бя баклуши,
а под выдохи зимы
повелительница стужи
правит миром и людьми.

Так взглядишь – ты всё ли прежний? –
может быть, давно уже
страшной Королевы Снежной –
поцелуй в твоей душе?..

Постепенно тая в шуме вьюги, песня умолкает, и снова высвечивается внутренность бригадного вагончика. Парень, который предлагал поразмяться:

А я думал долго,
что это – судьба.
Что вместе с дорогой
мы строим – себя.
И чем путь длиннее,

чем дальше от тьмы,
тем будут сильнее
и дружба, и мы!..

Девушка, востепенувшись и обращаясь ко всем:

Разве это не так, и мы стали другими?
И молодость наша – фальшивое имя?
И наши сердца греют меньше тулугов?..

Её жених:

Но это ж смешно!

Тот, что хотел уехать:

А по-моему, глупо!

Она:

Зачем тогда сердце –
за печкою греться?
Зачем тогда юность?..

Тот, что хотел уехать:

Ты просто – рехнулась!

Жених девушки при этих словах резко поворачивается и шагает к нему, словно говоря: «Ну, ты!..» Девушка смотрит на него, замерев и явно чего-то ожидая. Все напряжённо застывают...

В наступающей тишине сквозь порывы ветра вдруг абсолютно ясно долетают раздающиеся с улицы звякающие дары молотка по забиваемым в шпалы «костылям».

Ребята! Тихо!.. Я слышу стук!.. –

Выкрикивает тот парень, что предлагал поразмяться.

Жених медленно, ещё не понимая, что происходит, делает шаг к окну.

Мне кажется... я... узнаю этот звук...

Все бросаются к окну. В вое ветра отчётливо слышны металлические удары. Постепенно прорезываясь сквозь вой пурги и сливаясь с ним в одно гармоничное звучание, откуда-то вырастает и крепнет мелодия, а чуть позже доносятся и слова:

Чудес на свете нет –
то выдумки для слабых!
Чтоб не пропал твой след –
доверься слову «надо».

Ну что он сделал, Бог,
со всей Своею Троицей?
Нет на земле дорог,
что сами могут строиться!

Так бросьте там вздыхать
и в лени прохлаждаться –
не время отдыхать,
покуда в нас нуждаются!

Словно начиная что-то понимать, все в вагончике переглядываются между собой и снова прикипают к окну:

Труби, горнист, поход!
Пусть горн твой – мир пробудит!
Не время ждать погод,
когда ты нужен людям.

Труби смелее, друг,
вовсю – и не иначе!
Я знаю – не потух
огонь в сердцах горячих.

Труби!
Ещё добавь-ка!..

Перекрывая ветер и музыку, взлетает звук горна. В вагончике все вздрагивают и кто-то, медленно отступая от окна и на ходу нахлобучивая на себя шапку, сбивчиво выдыхает:

Ребята! Это...

И, срывая с вешалки тулупы, все бросаются в дверь:

Па-авка-а-а!..

Тот, что хотел уехать в Москву, оглянувшись в дверях, замечает топчущегося посреди вагончика парня – обладателя нудного голоса.

А ты что стал, будто в землю врос? –

Бросает он зло и выбегает вслед за остальными на улицу.

Ну-у ку-уда-а – на такой моро-оз? –

Тянет он, но всё-таки кутает горло шарфом и тоже выходит на улицу.

Из «Прорабской», привлечённый шумом, выбегает прораб.

Луч прожектора тем временем высвечивает работающего на насыпи человека в старенькой длиннополой шинели и будённовке. Улыбаясь посиневшими губами, он разгибается и, слыша вопросительно звучащее вокруг себя имя «Павка?» – отвечает:

Я, я, ч-черти!..

Кто-то в толпе с недоверием в голосе:

Но ты...

Павка, резко поворачиваясь к нему:

Когда есть дело, нету смерти!

Звучит музыка. Ария Павки:

Пусть не слышно набата,
не сзывает труба седоков,
но я вижу – в лопатах
сталь из наших клинков.
Невозможно без риска
ни бороться, ни строить.
Пусть я выбыл из списков –
я не выбыл из строя!

Наклоняется к полотну и забивает очередной костыль в шпалу.

Пусть на стендах музеев
тлеют наши шинели,
кто сказал, что на землю
никогда не вернутся метели?
Кто свернул наше знамя?
Кто не строит, а спорит?..
Я не в списках, но если я с вами,
я – не выбыл из строя!

Так отложим дебаты,
все сомненья – к чертям!
Сердце вещим набатом
будет бить вопреки всем смертям!
Нашим дням обелиском –
мы оставим дорогу свою.
Пусть мы выйдем из списков,
мы – навеки в строю.

Все, включаясь в работу:

Пусть мы выйдем из списков –
мы навеки в строю!

Дружный перезвон молотков, звон рельсов, гул заработавшего путеукладчика заполняют просеку. Фоном всему – музыка. На заднике сцены – кадры из кинофильма «Как закалялась сталь», момент строительства Боярской узкоколейки, крупным планом – лицо Павла Корчагина.

Звон металла, гул машин, ветер, музыка и перекрикивания работающих постепенно сливаются в один общий полифонический гимн:

Кто сказал, что не видно,

где дороги и судьбы сошлись?
Не кончаются битвы,
даже если кончается жизнь.
Если сердцем ты – молод,
если веришь в себя и в людей,
никакой лютой холод –
не преграда тебе!

Весело и дружно работают, отгоняя кружащихся вокруг них Снежинок.

...Никакой лютой холод –
не преграда тебе!

Работают. Над трассой уже всюду рассвело. Ветер как будто стал и вправду тише,
Снежинки кружатся слабее.

Прораб:

Здесь поезд однажды промчится,
презрев недоступность снегов,
и будет и наша частица
в вагонных улыбках его.
И в завтра, поверх всех барьеров,
пройдёт сквозь веков частокол,
как поезд сегодняшней – вера
в тебя, дорогой Комсомол!

Торжественно, величественно и вместе с тем остро драматично звучит музыка. Это
музыка – Смысла Жизни, музыка Великой Цели.

Девушка:

Наш век – далеко не тихоня,

и боль в нём, и песня слышна.
Пусть жизнь наша будет *погоней*,
пусть *бегством* не будет она.

Дороги иль битвы в ней будут –
не знаю, всего – не учесть.
Но знаю – и в маленьких буднях
возможность для подвига есть!

Шум работы над трассой всё веселей, торжественней. Оттеснённые «танцем созидания», Снежинки уходят всё дальше на край сцены, только изредка пытаюсь прорваться к полотну дороги и помешать работающим.

Парень, к которому обращалась девушка в вагончике, её жених:

Не надо толочь воду в ступе
проверкою истин простых,
нам трусости данных уступок –
ни совесть, ни жизнь не простит.
Дружней надо быть и отважней,
мы вместе – и тем мы сильны.
А страхам – нет места у нашей
дороги,
любви
и страны.

Все, собираясь вокруг него:

Мы в жизни и мёрзли, и гнулись,
но в сердце – усталости нет.
Судьбою нам выдана юность,
как наш комсомольский билет.

И если ты с ней – непреложно,
и если ты молод – всерьёз,
мы путь наш – проложим...
Проложим!

Обладатель нудного голоса, поёживаясь в сторонке:

Ну-у какой-ой же вокру-уг моро-оз!..

Все кидаются к нему, махая руками и укоряя, но тут один из парней – тот, что предлагал раньше поразмяться, вдруг оглядывается по сторонам и, не обнаруживая исчезнувшего во время работы Корчагина, восклицает:

Ребята! Где же – Павел?
Когда он нас оставил?..

Все замирают, шаря вокруг себя взглядами, но Павки нигде не видно. Прораб подходит к нему и кладёт ему руку на плечо.

Мильоны душ от нас уносит время,
стирая след их и черты лица.
Но никогда мы не простимся с теми,
кто навсегда вошёл в наши сердца.
И это – не трибунная бравада,
не псевдогероичный патетизм,
они – живут,
они всё время – рядом,
и будет вечно длиться эта жизнь!

Сквозь все века, все войны, катаклизмы,
сквозь вой пурги и неба синеву,

рука к руке – идут с нами по жизни
Корчагин, Талалихин, Банивур.
Для перекуров время не настало,
ты оглянись внимательно вокруг:
не за тебя ль – Ангелина, Стаханов –
не опускают утомлённых рук?

Ты верь – не на одной ещё дороге
услышатся их вечные шаги.
Где трудно, где беда – они помогут.
А ты им – в нас
поверить помоги.

Освещение над сценой слегка тускнеет. Все медленно поворачиваются и идут к вагончику. Снова слышен ветер и за ним начинающаяся песня Хора:

Из далёка зовёт труба,
легендарная скачет конница,
начинается наша судьба,
кто сказал, что борьба – окончена?
Кто сказал, что горнист устал?
Кто за шторы бежал оконные?
Разве так закалялась сталь?
Кто сказал, что борьба окончена?

Ещё будет бить дождь в лицо,
будет зло в подворотнях корчиться,
их немало ещё, подлецов,
кто сказал, что борьба окончена?
Век напрягся, как в стременах,
бой предчувствуя всюю кожей.

Жизнь тревожна во все времена!
Кто сказал, что борьба окончена?

Весел поезда перестук
над тайгой, над болота кочками.
Трассы просто так – не растут,
кто сказал, что борьба – окончена?
Нет, не время таким словам!
Пусть не кружат над полем коршуны,
кто сказал, что борьба – окончена,
если жизнь – начата едва?..

Бригада входит в свой вагончик, свет в нём меркнет, прораб направляется дальше – к своему. Немного не доходя, останавливается, словно бы к чему-то прислушиваясь. За ветром, со стороны просеки, начинает доноситься сначала слабо, а затем – всё слышнее и слышнее – нежная мечтательная мелодия, сопровождаемая женским голосом. Вокализ звучит всё ближе и переходит в песню. На краю сцены, натыкаясь на деревья, появляется невеста прораба.

Пусть кто-то назовёт меня распутницей
и ухмыльнётся – мол, сама пошла!
Но у любви не может быть распутицы,
она, как этот снег, всегда – бела!
И пусть вослед хихикают насмешники,
смеётся только тот, кто не любил...

Останавливается и обессилено прислоняется к дереву.

Ах, милый, мы не виделись – две вечности!
Быть может, ты меня давно забыл?..

Из-за деревьев выпархивают Снежинки и, преграждая ей путь, кружатся вокруг резвым хороводом:

Мы весёлые снежинки,
мало нас – мы хороши.
Дворник нас сметёт с тропинки,
спелят «бабу» малыши.
Но, видать, в людской природе
так устроено навек,
что клянут все непогоду
и бранят нас принародно,
если мы и вправду – снег!

Кружатся вокруг, и вдруг – накинув цветастые платки – превращаются в цыганок.

Вот он, миг наш искуплённый
за людскую неприязнь!
Грянет, грянет наша казнь!
Бездорожьём обозлённый,
проклиная снега власть,
тебя бросит светлый князь...

Плачь, на нас напрасно злясь!

Дразня, кружатся вокруг неё, сужая свой метельный хоровод, но девушка вдруг отталкивается от дерева и твёрдо шагает вперёд, разорвав чуть было не парализовавший её круг.

О нет! Не верю! Этого – не может быть!
Иди вперёд и твёрже в вере будь!
Сквозь сто снегов, сквозь сто преград – проложим мы

своей любви незаносимый путь!

Нам хватит и терпения, и нежности
на сто метелей, жизней и снегов...

Обращаясь непосредственно к залу:

Ну что для русских жён – все вьюги снежные,
когда и вправду в сердце – есть любовь?..

И в это время видит бегущего ей навстречу прораба.

– Ты?!.

– Ты?!.

Расталкивая мельтешащих вокруг Снежинок, они бросаются навстречу друг другу и заключают друг друга в крепких объятиях. Апофеозом всему звучит перекрывающий пургу оркестр, сопровождаемый женским вокалом. Свет на сцене меркнет ещё сильнее. Вместе с затемнением сцены всё на ней затихает, слышен только свистящий вой ветра и сквозь него – первоначальная мелодия песни Хора, а затем и слова:

И снова над миром метели
тревожные песни трубят.
И снова у видимой цели
встречают преграды тебя.
Кружат вьюги белою стаей,
свистят на судьбы витраже,
и снегу вовек не растаять,
покуда есть холод в душе.

Свирепо врывается ветер,

мечты в темноту унося,
но тем, кто дорогу наметил –
назад отступаться – нельзя!
Пусть падает снег или серый
туман закрывает пути –
верь в дружбу, в любовь верь – и сердце
поможет
дорогу найти!..

Песня затихает. Свистит ветер. В нём угасает мелодия. Остаётся только темнота и в ней вой ветра да на заднике – зубчатый профиль тайги. Пробиваясь сквозь метельные завывания, доносятся позывные вечерних известий, потом – голос диктора:

«...По сообщениям наших корреспондентов с Байкало-Амурской магистрали, сегодня, 17 февраля 197... года, несмотря на сильный мороз и метели, на большинстве участков трассы были продолжены работы по укладке железнодорожного полотна... Строителями магистрали пройдено ещё... километров... Отличились бригады...»

Голос теряется в свисте вьюги, всё окончательно темнеет и затихает. На трассу опускается ночь.

К о н е ц

*Москва – Переделкино,
2013 г.*